

М.И.Лапицкий



## РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

<sup>1</sup> О четырех возможности соотношения посюстороннего и потустороннего существования и, соответственно, ухода «отсюда в вечность» дает представление современный отечественный социолог Л.А.Седов. Вот его достаточно обоснованная формула таких возможностей: «Это – гармоническая “беспроблемность”, плавный переход из земной жизни в иные сферы бытия, что может быть выражено формулой (+/+); это – ощущение жизни как временного мероприятия и предпочтение, отдаваемое потустороннему перед посюсторонним (-/+); это – восприятие земной жизни как чрезвычайно ответственного, трудного и исполненного бед и опасностей дела, при том, что и уход не сулит безусловного избавления (трагическое мироощущение): формула (-/-); и, наконец, предпочтение, отдаваемое посюстороннему перед потусторонним либо в силу неверия в продолжение земной жизни (атеизм), либо ожидания на том свете мучительных испытаний и наказаний (“страх Божий”). (Последнее может быть передано

В последнее время религии нередко подразделяют на «ортодоксальные» и «ортопраксические». Термины эти происходят от слов «ортос» («верный», «правильный»), «докса» («мнение») и «пракис» («практика»).

Разумеется, нет такой религии, которая не состояла бы из того и другого – из веры и практики. Каждая из них включает в себя как доктринальные вопросы – символы, понятия, богословские системы, так и вопросы, имеющие прямое отношение к деятельности, – ритуалы, право, регламентацию жизни, своеобразный подход к труду, творчеству.

Таким образом, подразделяя религии на ортодоксальные и ортопраксические, исследователи имеют в виду прежде всего присущую им тенденцию – доктринальную или деятельную, а поскольку эти понятия могут быть противопоставлены одно другому лишь аналитически, их следует использовать только в качестве обобщений и не более того. На практике же – и в данной статье мы это попытаемся проследить – такие противопоставления вряд ли уместны.

Примером ортодоксальной религии обычно служит христианство, ибо оно придает наибольшее значение вере. Его основа – догматика, являющаяся главным выражением опыта откровения. Нельзя сказать, что иудаизм и ислам также не были весьма озабочены «истинностью» веры своих последователей, но именно эти религии обычно рассматриваются как ортопраксические, поскольку особое значение придают праву, регулированию жизни, практике, сверяя свои действия с Законом.

В действительности, и христианин, и иудей, и мусульманин не могут находиться лишь в мысленном созерцании – знание подразумевает осуществление истины в поступке, деле.

Отношение любой религии к труду, хозяйственной деятельности – это вовсе не свод законов о труде, оно (это отношение) органически связано с общим представлением о мироздании, жизни, смерти.

Особый интерес к потустороннему, небесному, «нездешнему», отчаяние перед лицом жизни влечет за собой пессимистическое отношение к земному, временному, настоящему, и, наоборот, оптимистическое отношение к смерти, вечности обуславливает активность, деятельность, энергию<sup>1</sup>. Отсюда несложно предположить, что своеобразное понимание той или иной религией вопросов жизни и смерти непосредственно влияет на ее отношение к труду, собственности, предпринимательству.

формулой +/–)». (Седов Л.А. Место русской культуры среди мировых культур (Приглашение к размышлению) // Полис. 1994. № 4. С. 99).

Для китайского мировоззрения характерно представление о жизни, как о периоде, плавно переходящем в смерть, которая, в свою очередь, переходит в жизнь; бытие и небытие существуют здесь вполне реально. Потустороннее и посюстороннее в равной степени действительны. А труд необходим для обустройства этих миров, он столь же вечен и неизбежен, как сама человеческая жизнь.

Человек индийского мироощущения тоже не умирает, его ждет бесконечная череда жизней и смертей, но эта цепь превращений не имеет той радужной, оптимистической окраски, какой пронизана китайская культура. Если все эти перевоплощения – одни лишь мучения и страдания, то все земное приобретает не столь важное значение.

Что касается иудо-христианства с его обостренным ощущением временной перспективы (при неодинаковом понимании времени различными ветвями христианства) и зависимости будущего от настоящего, то его отношение к хозяйственной деятельности наполняется глубоким смыслом, лежащим выше конкретного труда и экономики как таковой, становясь средством совершенствования человека и мира, в котором он живет.

Вера – критерий повседневной жизни человека, она охраняет традиционный священный порядок, и это весьма важный ее аспект.

По этому поводу один из крупнейших теологов XX в. П.Тиллих писал: «Вопрос веры – это не выбор между Моисеем, Иисусом или Мухаммедом; вопрос веры: кто выражает предельный интерес человека наиболее адекватно? Противостояние религий не есть противостояние форм верования, это противостояние средств выражения нашего предельного интереса... Всякие решения веры суть экзистенциальные, а не теоретические решения»<sup>2</sup>. И если это так (а похоже, что П.Тиллих прав), то и трудовая деятельность, являющаяся одной из основных составляющих повседневной жизни человека, находится в круге его предельного интереса.

«Запад всегда ищет возвышения, вознесения. Восток – погружения и углубления», – так К.Юнг определил одно из важнейших отличий западных и восточных религий<sup>3</sup>. Однако, «возносясь» и «погружаясь», религии не могли (и тем более не могут в наши дни) отвращать человека от земных работ и волнений, среди которых труд занимает первостепенное место.

Нет религий, которые бы отвлекали человека от трудовой активности, экономической деятельности, ибо нет религий, лишенных здравого смысла, в которых бы полностью отсутствовал земной, практический, рациональный элемент. Есть лишь религии, в которых этот элемент проявляется яснее и отчетливее. Даже религиозные системы, видящие истину в достижении полной независимости от мира с его заботами, стремлениями и страстями, не могут отрицать, что этот путь начертан лишь для немногих, внутренняя

<sup>2</sup> Тиллих П. Динамика веры // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 176.

<sup>3</sup> Юнг К. О психологии восточных религий и философий. М., 1994. С. 25.

работа созерцания которых может быть осуществлена лишь при поддержке со стороны «безумцев», поглощенных в тленное. Это прекрасно понимал Будда, объясняя пахарю: «Вспахав эту пашню, ты избавляешься от страданий»<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> *Сутта – Нуната. М., 1899. Гл. III, 2, 9.*

**Религии  
«погружения  
и углубления»**

Пожалуй, буддизму чаще, чем какой-либо другой мировой религии, отказывают в причастности к земному, посюстороннему. И это религия, число последователей которой в наши дни составляет не менее 700 млн человек!

При всем том, что для буддизма ожидание нирваны (уничтожение, растворение индивида в универсальном целом) – единственное реальное блаженство, которое человеку может дать жизнь, эта религиозная система вовсе не подвергает гонению материальное, хотя и не культивирует его. К материальному просто не следует стремиться. В то же время обладание им оправдано, хотя и предполагает способность равнодушно потреблять, но не сознательно увеличивать объем обладаемого.

Кстати, некоторые исследователи буддизма не без основания полагают, что установка буддизма «победить себя» вооружает человека, раскрепощает его силу, энергию, активность, призывает быть готовым спокойно переносить любые удары судьбы. Все это благотворно сказывается на вполне земном, даже прагматическом отношении буддиста к жизни и ее перипетиям, способствует активации его трудовых сил и энергии.

Буддизм как религия, философия и этика (именно все это и составляет его нерасторжимое единство) может дать ответ (хотя бы частично) на вопрос, почему, например, Япония после второй мировой войны смогла устоять и столь успешно пройти через такие испытания, как иностранное вторжение, разрушение хозяйства, атомные бомбардировки, землетрясения, тайфуны, энергетические кризисы и т.д.<sup>5</sup>

Буддизм учит: нет на земле ничего постоянного, жизнь состоит из изменений, этим она и прекрасна. От дел, добрых или злых, в буддизме зависит качество дальнейшего существования. «Черное, – говорит Будда, – отличается черным. Белое – белым. Дело – начало и причина всякого существования»<sup>6</sup>. Этот закон воздаяния обуславливался прежде всего моральным порядком вещей, законом связи причины и следствия. Для облегчения тяжелой участи простых людей Будда давал вполне практические и здравые с житейской точки зрения советы, например, рыть колодцы, разводить рощи и сады плодовых деревьев, рассаживать вдоль дорог целебные травы.

На эту сторону буддизма обратил внимание Д.И. Менделеев в своих «Заветных мыслях», ставших, по его же собственным словам, «всею совокупностью испытанного и узнанного в жизни»<sup>7</sup>. Обращение к Будде понадобилось великому русскому химику для того, чтобы доказать, что «трудовое начало положено в основание спасения и внутреннего благополучия» крупнейших мировых религий и что буддизм в данном

<sup>5</sup> См.: Christopher R. *The Japanese Mind. The Goliath Explained. Tokyo, 1993. P. 46, 151, 268, 292.*

<sup>6</sup> См.: Карягина К.М. *Сакура-Муни (Будда). Его жизнь и философская деятельность // Будда, Конфуций, Магомет, Франциск Ассизский, Сованара. М., 1994. С. 44.*

<sup>7</sup> Менделеев Д.И. *Заветные мысли. М., 1995. С. 408.*

случае не является исключением. Д.И. Менделеев напоминает, что Будда советовал своим последователям «достигать блаженства прежде всего при помощи жизни милостыней». Это послужило для ученого основанием для вывода, что подобный совет «предполагает лиц, могущих подать милостыню, а потому имеющих избытки, добываемые трудом, т.е. его совет, очевидно, относится к немногим и не мог быть общим»<sup>8</sup>.

Близкий к буддизму индуизм, воспринимающий мир как единое, упорядоченное целое, а не случайное сочетание вещей и явлений, считает уделом человека вечное возвращение: новое рождение есть странствие души, постоянный жизненный круговорот. Как и буддизм, индуизм нередко трактуется весьма односторонне – как религия полностью отстраненная от реальной действительности, придающая фантастическое, мистическое, абстрактное направление индийской мысли и, наконец, с пренебрежением и даже презрением относящаяся к практической жизни. Такая искаженная интерпретация ведет к изображению индийцев как народа бездеятельного, склонного к постоянным мечтам и фантазиям.

Отвечая исследователям, трактовавшим эту религию подобным образом, датский историк Э.Леманн писал еще в конце прошлого века: «Такое изображение верно только в применении к отдельным слоям этого народа и к некоторым периодам его истории; если же брать в расчет всю совокупность индусского населения и проследить весь ход его истории, то получится существенно иное впечатление»<sup>9</sup>. И далее добавляет, что население Индии «не имело недостатка... в способности практической деятельности»<sup>10</sup>.

Только поведение, в том числе и отношение к делу, которым занимаешься, определяет в индуизме будущее человека. «В нашей следующей жизни мы будем занимать то положение, которое мы заслужили своим трудом», – так трактует один из текстов ведических писаний известный современный знаток индуизма Бхактиведанта Свами Прабхупада<sup>11</sup>. Именно поэтому, подчеркивает он в книге «Путь к совершенству», человек должен испытывать радость, получать удовольствие и удовлетворение от своего труда, ведь он стремится в конечном счете к освобождению<sup>12</sup>.

«Каждое индийское учение, – пишут современные исследователи С.Радхакришна и К.Мур, – это поиск истины, не академического “знания ради знания”, а истины, которая сделает свободными всех людей»<sup>13</sup>. И действительно, индийская мысль стремится скорее не к информации, а к трансформации<sup>14</sup>. Ведические писания определяют знание как «признание важности самореализации»<sup>15</sup>.

В «Бхагаватгите», иногда называемой Новым Заветом индуизма, достаточно ясно выражен призыв к действию<sup>16</sup>. Человеку необходимо быть активным, ибо сам Бхагван, Господь, действует, совершает поступки. «Не совершая дел, эти миры исчезли бы», – говорит главный герой «Бхагаватгиты» Кришна<sup>17</sup>. И в другом месте: «Необходимое дело совершай, лучше бездействия дело»<sup>18</sup>.

<sup>8</sup> Там же. С. 91.

<sup>9</sup> История религии. М., 1992. Т. 2. С. 9.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Bhaktivedanta Swami Prabhupada. Srimad Bhagavatam. Los Angeles, 1985 P. 261.

<sup>12</sup> Bhaktivedanta Swami Prabhupada. The Path of Perfection. Los Angeles, 1987. P. 9–10.

<sup>13</sup> Radhakrishna S., Moore C. A Sourcebook in Indian Philosophy. Princeton – N.Y., 1957. P. 23.

<sup>14</sup> Zimmer H. Philosophy of India. N.Y., 1951. P. 4.

<sup>15</sup> Сатваруна даса Госвами. Очерки ведической литературы. М., 1989. С. 18.

<sup>16</sup> Гараджа В.И. Религиоведение, М., 1995. С. 92.

<sup>17</sup> Бхагаватгита. Песнь III, стих 24.

<sup>18</sup> Там же. III, 8.

Совершая земные дела, человек, подобно Божеству, должен трудиться бескорыстно, в то же время отказавшись от привязанности к ним: «Действия совершать, привязанность к ним оставив»<sup>19</sup>. Комментируя эти слова из «Бхагаватгиты», А.Мень в «Истории религии» разъясняет, что «отречение от заинтересованности придает каждому акту человека характер богослужения»<sup>20</sup>.

<sup>19</sup> Там же. XVIII, 59.

<sup>20</sup> Мень А. История религии. М., 1992. Т. III. С. 85.

Практически экономическая модель индуизма, как и буддизма, разработана достаточно скудно. Редкие вкрапления мирской и хозяйственной этики тонут в основных текстах древних установлений о пагубности всякой привязанности. Видимо, буддизм и индуизм требуют тонкой интерпретации их отношения к человеческой жизнедеятельности. В социальных программах этих религий содержится иной тип экономической рациональности, иные способы оправдания собственности и богатства, к которым невозможно подходить с западными мерками.

Сказанное в известной степени можно отнести и к некоторым другим восточным религиям, воспринявшим определенные черты философии и культа буддизма в процессе адаптации последнего на китайской почве. Здесь с древнейших времен в силу разных причин религиозное чувство было значительно ослаблено; в китайской традиции религия – это в основном этика. Социальная этика и административная практика всегда играли в Китае более значительную роль, нежели мистика и индивидуалистические поиски спасения.

В наибольшей степени характерные черты китайского национального характера воплотило конфуцианство, которое, за отсутствием метафизики, настолько рационально, что находится на границе того, что именуется «религиозной этикой». И вместе с тем оно резко отличается от прагматизма Запада. Превратившись в государственную религию и более чем на две тысячи лет став идеологической основой китайской империи, конфуцианство, не ограничиваясь Китаем, перешагнуло его границы и благополучно обосновалось в Японии и соседних странах.

Думается, что особый тип культуры, характерный для Юго-Восточной Азии и сложившийся отчасти под влиянием конфуцианства, сыграл далеко не последнюю роль в том, что наше время стало свидетелем подлинного прорыва в экономическом развитии этого региона. И если даосизму китайцы обязаны прежде всего художественно-эстетической практикой, то конфуцианству – жизненной рассудительностью, здравым смыслом.

Триумф конфуцианства объяснялся его созвучием тем идеям, которые китайцы издавна впитывали с детства: рационализму, прагматизму, деятельному началу. Еще в доконфуцианские времена в Китае отрицалась роль духов и утверждалась созидательная деятельность человека. Здесь мудрость состояла не в отрешении от мира или аскетизме, а в проведении истинных принципов в государственную жизнь.

Даже самое беглое знакомство с конфуцианством не оставляет сомнений в характере его отношения к труду, собственности, богатству, нищете.

Жизнь ставит перед человеком задачу, дело, которое он неукоснительно должен выполнять, даже если оно окажется не по плечу, выше его сил. Конфуций не утверждал, что от людей зависит выполнение всего дела целиком, однако человек должен сделать все возможное для его осуществления. Судьба человека как «путь» (по мысли Конфуция, «путь» адекватен «истине») есть движение для достижения конечного результата. Развитие производства, экономное, бережное расходование средств и устранение злоупотреблений в управлении конфуцианство считает наиболее важным вопросом, относящимся к деятельности человека.

Этико-политические идеи Конфуция обычно характеризуют как теорию управления с помощью добродетели, т.е. как управление на основе человеческих отношений, активно внедряемое на современных передовых предприятиях всего мира. Для основателя конфуцианства ритуал был тем условным видом деятельности, в котором особый акцент делался на гармонии, красоте и святости<sup>21</sup>.

Конфуцианство явилось особой разновидностью рационализма. В отличие от классического западного протестантского, конфуцианский рационализм, в основе которого лежали личностные патримониальные отношения, отставал уже с древних времен сложившийся в Китае «обряд» справедливости<sup>22</sup>.

И конфуцианец, и пуританин – люди «здорового смысла», но если трезвое отношение к жизни пуританина предполагает мощный энтузиазм, внутреннюю психологическую напряженность отдельной личности, то конфуцианец, как правило, всего этого лишен. Его жизнь была скована церемониальными оковами, а предприятия, на которых он работал, семейные или родовые (клановые), – управлялись не по законам рынка, а по правилам ритуала. При всей модернизации современной китайской экономики эта черта нередко в наши дни продолжает давать о себе знать и служит тормозом при решении функциональных производственных задач.

Конфуцианец (в отличие от протестанта) не верил в то, что его добродетельная жизнь на земле ведет к обретению рая после смерти. За добродетели и усердие, по его представлениям, полагается долгая жизнь, здоровье и богатство в этом мире и добрая память после смерти. Конфуцианство придавало большое значение бережливости, статус «благородного человека» предписывал иметь эту черту.

Создается странное впечатление, что учение Конфуция ближе нам, чем иные религиозные системы, возникшие много веков спустя после него. Возможно, дело в его «здоровом смысле», прагматичности, созвучным нашему веку. Конфуций принадлежал к такому распространенному в Китае типу мыслителя, для которого, по словам О.Шпен-

<sup>21</sup> См.: Конфуций. Луньюй // Конфуций. Я верю в древность. М., 1995. Гл. 4. П. 5.

<sup>22</sup> Weber M. The Religion of China. N.Y., 1964. P. 234.

<sup>23</sup> Шпенглер О.  
Закат Европы. М.,  
1993. Т. 1. С. 177.

глера, «теория познания означала знание великих условий действительной жизни»<sup>23</sup>.

Так обстоит дело с некоторыми религиями «погружения и углубления». При ближайшем рассмотрении оказывается, что в реальной действительности даже религии мистические, для восприятия мира которыми характерно смирение, скромность, своего рода «религиозное инкогнито» в быту, минимальная деятельность, не так уж далеки от бренного земного мира со всеми его «страстями стравленными» (М.И.Цветаева). Не говоря уже о конфуцианстве, в котором отсутствует всякая метафизика, и радио выражено, возможно, не в меньшей степени, чем в протестантизме – «эталоне» религиозного прагматизма.

**Хозяйство,  
основанное  
на Законе**

Типология религий – это отдельная тема, имеющая к нашей лишь опосредованное отношение, а потому, не останавливаясь на этой проблеме, заметим к слову, что типы веры есть у монашеского, так как в чистом виде они никогда не встречаются. Но при всех особенностях религий, общего между ними гораздо больше, нежели отличного, ибо сплачивает их коренное единство. По этому поводу П.Флоренский писал со свойственной ему поэтичностью: «Одни исповедания живут на полной свободе, другие – в огороженных парках, третьи – в небольших, но высоко огороженных дворах, четвертые – в узких башнях, пятые – в юртах с темным дымовым отверстием, а у шестых – над головою лишь небольшая щель». И хотя истинно верующий вряд ли осознает узость и огороженность своей религии – это видно лишь со стороны, П.Флоренский образно передал разновеликость религиозных систем, различие условий, в которых люди, пребывающие в своем особом душевном и физическом состоянии, обладают весьма неодинаковым кругозором. «Но Небо, от которого получают Свет все они, – не одинаковое над головами, а одно Небо. Видеть его, хотя бы сквозь щель, – лучше, чем ничего не видеть. Это Небо есть Бог. Какая-либо вера в Него лучше безверия, ибо вера дает подлинное прикосновение к духовному миру»<sup>24</sup>.

<sup>24</sup> Флоренский П.  
Записка о  
православии //  
Флоренский П.  
Сочинения. М.,  
1996. Т. 2.  
С. 537–538.

Итак, Небо. Именно в него глядывается иудаист, христианин и мусульманин, решая свои, в том числе хозяйственные, проблемы. Ведь монотеистические вероучения по сути своей определяют (во всяком случае пытаются определять) все стороны человеческого бытия, поведение, деятельность, отношение к окружающим людям, природе и т. д.

<sup>25</sup> Макс Вебер и  
методология  
истории.  
(Протестантская  
этика). М., 1985.  
Вып. 2. С. 215–216.

М.Вебер не раз повторял, что скорее не религиозное учение, а то этическое отношение к жизни, которое поощряется в зависимости от характера и обусловленности средств к спасению, предлагаемых данной религией, является ее специфическим «этосом» в социологическом значении этого слова»<sup>25</sup>.

<sup>26</sup> *Bimbaum Ph. A. Book of Jewish Concepts. N.Y., 1974. P. 286.*

Сказанное целиком относится к тому, что называют трудовой этикой<sup>26</sup>. Труд, творчество, деятельность иудаизм рассматривает как призвание. Освящения достойна жизнь только такого человека, который выполняет свой долг, совершает добро не от случая к случаю, не изредка, а постоянно. Причем, и это представляется особенно важным, этическая идея должна стать в человеке воплощением действия, побуждать его к реальным поступкам, чтобы мысль превращалась в дело, идеи – в жизнь. Именно в действии, энергии воли, приложении сил и способностей, по мысли еврейских мыслителей прошлого, проявляется истинная любовь к Богу. С древних времен почитаемый этический идеал иудаизма состоит в тесной связи ясного, четкого намерения с твердой, непременно направленной на действие волей.

Это не удивительно, так как иудаизм считает, что у человека есть некий данный свыше «план жизни». Само понятие «план» применительно ко всей человеческой жизни предполагает рациональный, даже, можно сказать, деловой подход к своему бытию в этом мире, необходимость иметь перед собой цель, регулирующую по крайней мере основные жизненные этапы<sup>27</sup>.

Труд каждого человека, согласно иудаистским представлениям, есть частица деятельности всего человечества, которое стремится к гармонии между душой и телом: именно таким будет грядущий мир. К этой общей цели и должны быть устремлены души всех людей, выполняющих в мире свои частные задачи. Связь частных и общих целей, стоящих перед человечеством, один из толкователей Талмуда выразил таким образом: «Кто совершает нравственное деяние, как, например, судья, произносящий справедливый приговор, тот становится участником Божественного строительства мира»<sup>28</sup>. Как бы обобщая это суждение, известный современный израильский теолог и философ А.Штайнзальц пишет: «Человеческая душа функционирует в мире, используя тело как инструмент для своей деятельности»<sup>29</sup>. По А.Штайнзальцу, душа, не только «обязана трудиться», труд и есть ее основная функция.

На душу лежит ответственность за исправление мира, и пути его усовершенствования предначертаны Торой. Святое Писание служит душе путеводной звездой для определения верного направления ее деятельности, ибо Тора для иудаизма не только высшее откровение, но и практическое руководство к действию, дающее конкретное указание человеку, как именно он должен осуществлять задачу по исправлению мира. Именно поэтому, по учению иудаистов, каждой букве в свитке Торы соответствует одна еврейская душа, и без этой единственной буквы Тора не будет полной.

Согласно иудаистским представлениям, материальный мир во все не является неполноценным; к тому же сама материя ничуть не хуже и не примитивнее духа, а в некотором смысле (что можно заключить из чтения Торы) физический мир можно рассматривать как вершину Божественного творения. Стремление к справедливости, помо-

<sup>27</sup> *Лацарус М. Этика иудаизма. Одесса, 1903. С. 114.*

<sup>28</sup> *Там же. С. 65.*

<sup>29</sup> *Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках. Иерусалим-Москва, 1990. С. 80.*



щи бедным и угнетенным, любви к ближнему своему не должно быть лишь созерцательным, умозрительным, бездеятельным. Для иудаистской этики недостаточно, чтобы человек избегал зла и творил добро, он должен устранять зло, прилагать к этому все силы, приближая победу добра.

Это действенное (не созерцательное) начало сыграло важную роль в становлении основных этических принципов данной религиозной системы. Они во многом объясняют причину того, почему иудаизм провозгласил необходимость развития социальных аспектов всякой этики<sup>30</sup>.

<sup>30</sup> Еврейская энциклопедия. СПб, 1911. Т. XIII. С. 320–321.

Эти черты, частично нашедшие отражение в христианстве, оказались особенно созвучны одной из его ветвей – протестантизму.

Иудаизм (как впоследствии и протестантизм) обвиняли в материализме за то, что в нем нет «отчужденности от мира», аскетичности, равнодушия к земным благам. Еще в начале нынешнего века немецкий социолог М.Оффенбахер в связи со сравнительной характеристикой католицизма и протестантизма остроумно заметил: «Народная мудрость гласит: либо хорошо есть, либо спокойно спать. В данном случае протестант склонен хорошо есть, тогда как католик предпочитает хорошо спать»<sup>31</sup>. Избегая в этой связи каких бы то ни было аналогий, можно заметить, что иудаист, подобно протестанту, предпочитает «хорошо есть».

<sup>31</sup> Цит. по: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 66.

Не вдаваясь в суть проблемы, укажем лишь на характерное для социальной этики иудаизма представление о профессиональном долге. И хотя этический настрой иудаизма и протестантизма имеет немало точек соприкосновения (английскую пуританскую этику иногда именовали «English Hebraism» – английский иудаизм), непосредственное восприятие мира иудаистами и пуританами весьма различно. Как отмечал М.Вебер, «различие это распространялось, в частности, на те черты, которые имели решающее значение при определении роли обоих религиозных учений в развитии капиталистического этоса»<sup>32</sup>.

<sup>32</sup> Там же.

Для нравственного типа веры, к которому относится иудаизм, характерна идея закона. Ведь только тот, кто соблюдает закон, способен приблизиться к Богу, ибо для иудаиста Тора – не только Священное Писание, но и Закон, с буквой которого верующий должен сверять каждый свой шаг. Те же чувства испытывает и мусульманин к Корану (идея закона характерна и для ислама) – «откровения, посланные через Мухаммеда, – это по большей части ритуальные и социальные законы»<sup>33</sup>. Аллах, воспринимаемый как ничем не детерминированная воля, предопределяет все перипетии жизни мусульманина.

<sup>33</sup> Тиллих П. Указ. соч. С. 175.

Существует мнение, что это сознание предопределенности сковывает и даже парализует человеческую активность. Но идея Божественной предопределенности отнюдь не исключает того, что человек преследует свое благо, она лишь подчеркивает, что, борясь за собст-

венное благо, человек сверх того выполняет еще «Божью волю». «Активность индивида в достижении практических целей, – пишет современный российский исследователь А.А.Гусейнов, – зависит не столько от сознания того, что он борется за свои цели, сколько от убежденности в том, что это – истинные цели»<sup>34</sup>. Апелляция же к воле Бога есть признание высшей степени истинности.

Многочисленные примеры из истории мусульманских народов, когда тесно и органически сочетались религиозное вдохновение с энергичной деятельностью во имя Аллаха, опровергают суждения о сковывающем влиянии идеи предопределения на человеческую жизнь. Божественное провидение совершается через посредство вещей и событий земного мира. И для того, чтобы угодить Аллаху, следует поступать соответственно объективной мере вещей, т.е. наилучшим, наичестнейшим образом выполнять свое дело.

Сделать какое-то «внешнее дело», что-то изменить в предопределенном Богом развитии событий человек не в силах, но он может быть трудолюбивым или ленивым, добросовестным или безответственным, нравственным или безнравственным и т.д. – это уже зависит от самого человека. Он – хозяин своей судьбы в том смысле, что если верит в Бога и исполняет Его заповеди, то в будущей жизни его ждут райские наслаждения (кстати, рай в Коране приобретает ярко выраженный земной, чувственный характер; райские утехи, вкусные кушанья, удобная мебель и пр. – все это отражает вполне земные желания смертных). Неисполнение же заповедей Божьих влечет за собой вечные муки. Как замечает по этому поводу Вл.Соловьев в работе «Магомет», «для практических задач религии этого, конечно, достаточно»<sup>35</sup>. Русский философ особенно подчеркивает «здоровое и трудовое» начало в исламе<sup>36</sup>.

Нынешние мусульманские теоретики, стремящиеся узаконить «бизнес по-исламски» в глазах традиционно настроенных единоверцев, прилагают много усилий, чтобы коммерческая деятельность выглядела как возрождение предпринимательства времен Мухаммеда. Современные сторонники развития «мусульманского бизнеса», ссылаясь на усердие пророка во всех его начинаниях, в том числе предпринимательских, представляют патриархальную торговлю и кредит в качестве прообраза нынешней деловой активности. В рамках «возрождения ислама» они акцентируют внимание на «возврате» к раннему мусульманскому «партнерскому бизнесу».

Нынешние реформаторы нередко пишут о том, что созидательный труд – высочайшая нравственная ценность. «Мусульмане, – отмечает влиятельный исламский журнал «The Muslim World League Journal», – не должны жалеть трудовой энергии, чтобы овладеть искусством администратора, мастерством управления производством, чтобы осваивать достижения научно-технической мысли и приводить в действие человеческий потенциал и возможности. Именно к этому призывает Коран: “А тех, которые усердствовали за нас, мы поведем по нашим путям. Поистине Аллах, конечно, с добродееущими!... И мы

<sup>34</sup> Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995. С. 141.

<sup>35</sup> Соловьев Вл. Магомет. Основатель ислама. М., 1994. С. 50.

<sup>36</sup> Там же. С. 106.

<sup>37</sup> *The Muslim World League Journal*. 1986. № 3. P. 24

испытаем все, чтобы узнать среди вас усердствующих и терпеливых, и испытаем сообщения о вас»<sup>37</sup>.

Этический своеобразием ислама (в отличие от иудаизма и христианства) можно считать слитность, нерасторжимость его нравственных норм с другими нормами, регулирующими человеческие отношения. Мусульманская этика нередко связана с практической жизнью. Ислам не ограничивается указанием пути, его этика не построена на абстрактных принципах, она конкретна, даже прагматична. Этика христианства и мусульманства дают ответы как бы на разные вопросы: первая – зачем следует быть нравственным, вторая – каким путем можно ее достигнуть. Коран не наставляет на путь веры, он – руководство к практическому действию, активному вмешательству в жизнь в качестве догмы.

Интересную мысль высказали культурологи и философы З. Миркина и Г. Померанц в книге «Великие религии мира»: «Сравнивая ислам с христианством, можно заметить, что начинались они по-разному. Но затем в каждой стране складывался свой “ислам” (строгие правила поведения для масс, основанные на страхе ада), свой “монастырь” (убежище аскетов, беглецов из мира, в котором царит зло), свой “джихад” – священная война: в средневековом христианстве – крестовые походы, рыцарские ордена и т. п. Повсюду религия дробится на секты и течения, проклинающие друг друга. Повсюду господствует буквальное понимание книг (Евангелия, Корана). Повсюду только немногие пробиваются к поэзии этих книг и их духу, не доверяя поработить себя букве»<sup>38</sup>.

<sup>38</sup> Миркина З., Померанц Г. *Великие религии мира*. М., 1995. С. 179–180.

**Хозяйство, основанное на любви**

Не представляющее собой единого религиозного течения (впрочем, и другие мировые религии отнюдь не едины) христианство, при всех особенностях и нюансах отношения отдельных ее ветвей к хозяйственной деятельности, имеет нечто общее в своем восприятии этого круга проблем. Хозяйственный мир Нового Завета, в центре которого личность Иисуса Христа, безусловно является духовной основой христианского отношения к труду.

Конечно, в Евангелии, учении веры и нравственности, не следует искать конкретную экономическую теорию. Христианская экономика – и в этом она существенным образом отличается от других религий – важнейшей своей целью выдвигает хозяйство, основанное на любви. Жертвенная любовь Христа становится всеобщим общественным и хозяйственным идеалом. Поиск Царства Божьего и правды его, согласно Нагорной проповеди, выдвигается в качестве главного правила этического отношения к человеческой деятельности. Многогранность и многозначность Библии, в частности, выражается в том, что она, с одной стороны, призывает к осознанию второстепенности, несущественности всех земных стремлений, а с другой – включает труд, экономические проблемы в христианскую жизнь. Именно такой сложностью (выдающийся английский мыслитель К. Льюис на-

звал ее «упрямой сложностью») и отличается мнимая библейская простота.

Значение христианства в хозяйственной истории трудно переоценить: оно безмерно возвысило осознание достоинства труда, не признававшегося в древнем мире. Религиозное освящение труда началось в средневековых монастырях, где труд предписывался в качестве духовного упражнения. Колокольный звон в обителях призывал монахов не только к общей молитве, но и к совместному труду, который стал эрзацем сначала пуританского, а затем и светского благочестия.

Признавая материальный мир, христианство почитает все сотворенное за благо, ибо благ сам Творец, образ которого отражается в творении. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт., 1, 31).

Сами Иисус и апостолы, проведшие многие годы среди простых людей – пастухов, пахарей, виноградарей, не отрекаются от земной жизни. Христос не утверждает и не отвергает мир, Он как бы отодвигает его в сторону, в его понимании ни одна форма человеческой деятельности не имеет достоинства, морального абсолюта.

Проповеднические труды Иисус неоднократно сравнивает с полевыми работами. Таковы, например, притча о сеятеле (Мф. 13, 3–8), призыв молиться, чтобы Отец Небесный послал «деятелей на жатву Свою» (Мф. 9, 38), притча о талантах (Мф. 25, 20–30) и т.д.

Труд, совершаемый во имя других, для их пользы, духовной и физической, следует расценивать как добродетель, как исполнение новозаветной заповеди о любви к ближнему (Мф. 22, 37–39; Ин. 13, 31; Гал. 6, 2 и др.), как проявление способности любить, доказательство этой способности не словами, а делами: «Станем любить не словами или языком, но делом и истиною» (Ин. 3, 18).

Принимая мир, христианство одновременно и отвергает его в том смысле, что учит человека не привязываться к нему слепо. По сути дела, центральным мотивом трудовой этики христианства и является установление должного взаимоотношения между духом и плотью, в котором духовное начало должно господствовать над материальным. В этом контексте христианское отношение к труду С.Н.Булгаков (пожалуй, ни один русский религиозный мыслитель не уделил столько внимания теме «христианство и хозяйство») выразил таким образом: «Поскольку христианство велит каждому блюсти в себе свободу от хозяйства, не позволяя заботе до конца овладеть сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, настолько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда под тем или иным предлогом»<sup>39</sup>.

С такой точки зрения С.Н.Булгаков (и не только он) подходил, например, к сокращению рабочего дня, которое, по его мнению, не является безусловным благом, ибо до него нужно духовно дорасти. Короткий рабочий день может стать источником деморализации, духов-

<sup>39</sup> Булгаков С.  
Христианский  
социализм.  
Новосибирск, 1991.  
С. 212.

ного вырождения трудящегося человека, если он не сумеет достойно употребить освобождающееся время.

Человек со-творец мира в том смысле, что он призван раскрывать Божественный замысел в мире. Будучи созданным как родовое, а не обособленное существо, человек в своем творчестве представляет собой лишь часть целого, часть общего дела. Все, что он творит, должно быть оплачено трудом, усилием. «Не должно быть ничего дарового» (Н.Ф.Федоров).

Христианская теология считает, что человек призван «сорботать Творцу», не сомневаясь в его воле. Как замечает Папа Иоанн Павел II в энциклике «*Centesimus Annus*», «то, что в Священном Писании сказано о судьбах Царства Божьего, относится и к жизни временных обществ, которые несовершенно и непрочны. Царство Божие... бросает свет на устройство человеческого общества, благодать же проникает в него и животворит. Именно так легче увидеть, что общество должно быть достойно человека и выправить его недостатки, и укрепить мужество, без которого нельзя работать для добра»<sup>40</sup>.

Если стать на такую точку зрения, то доверие Богу не признает пассивности, оно есть «отвага на труд». Известное изречение гласит: мы должны молиться так, как если бы все зависело от нас. Известный современный американский теолог, директор Института религии и общественной жизни пастор Р.Нейхауз переиначил это изречение таким образом: «Мир настолько несовершенен, что разумное существо лишь тогда станет трудиться ради его благоустройства, если будет уверено, что все зависит от Бога»<sup>41</sup>.

Призывая к совершенству, христианство благословляет все виды человеческой деятельности, направленные на служение людям. В хозяйственной деятельности такое служение сопряжено с удовлетворением потребностей людей, что, по сути, является основой рыночных отношений. Поэтому свободная экономика получает поддержку высших церковных иерархов, хотя, как они утверждают, экономика, бизнес никогда не будут их нравственно удовлетворять. Сами по себе погоня за прибылью не может встречать сочувствие церкви; у рынка как такового нет своей нравственности, он просто зеркально отражает нравственность или безнравственность своих участников. И все же прибыль необходима, чтобы свободная экономика функционировала. Эту непреложную истину осознавало не одно поколение христиан многих стран мира. И если видные представители трех ветвей христианства предлагают вернуть экономике ее подлинную ценность, то их критика направлена скорее не на экономическую, а на этическую и культурную систему. Экономика предстает лишь как один из многих аспектов человеческой жизнедеятельности. Следуя общехристианскому этическому постулату, иерархи христианских церквей полагают, что когда производство и потребление становятся смыслом жизни, причину этого следует искать не в экономике, а в ослаблении социокультурной системы, в том, что общество забыло о

<sup>40</sup> *Centesimus Annus*.  
Окружное Послание  
Верховного  
Первосвященника  
Иоанна Павла II –  
100 лет  
христианского  
социального учения.  
М., 1991. С. 41–42.

<sup>41</sup> Нейхауз Р.  
Бизнес и Евангелие.  
Познань, 1994. С. 56.

нравственности и в конце концов свело самое себя к производству товаров и удобств<sup>42</sup>.

Все сказанное относится не к одной лишь западной христианской церкви, но также и к восточной, хотя последняя неопределенно высказывается по этому поводу.

В интерпретации проблемы взаимоотношения духовной жизни и мирской трудовой деятельности можно заметить весьма важные отличия со стороны трех ветвей христианства. Признаком истинной веры протестантизм считает не столько внешнее выполнение человеком религиозных предписаний, сколько честное выполнение своих обязанностей<sup>43</sup>. Труд, когда он является призванием, воплощает религию в посюсторонней привязанности, служит доказательством собственных добродетелей и достоинств, достигаемых посредством личных усилий.

Давно замечено немалое сходство в отношении к труду наших староверов и западных протестантов. Для них дело – это миссия человека в мире, его призвание. Выполнение долга в рамках мирской профессии они рассматривают как важнейшую задачу нравственной жизни<sup>44</sup>. Неудивительно, что большинство наиболее преуспевающих русских дореволюционных предпринимателей были староверами. Их лучшие представители «на свою деятельность смотрели не только и не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета...»<sup>45</sup>.

Роднит протестантов и староверов умеренность в личном потреблении, скромность, сдержанность, усердие, прилежание. Интересную попытку установить московскую «торгово-промышленную табель о рангах» предпринял представитель старообрядческой династии промышленников и видный общественный деятель В.П.Рябушинский. «В московской неписанной купеческой иерархии, – писал он, – на вершине уважения стоял промышленник-фабрикант; потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал. Его не очень уважали, как бы дешево его деньги ни были и как бы приличен он сам ни был. Процентщик...»<sup>46</sup>.

В отличие от католичества (оно разрешает важнейшие жизненные проблемы на основе строго иерархического подчинения клерикальной организации жизни; церковь здесь вдохновляет человека на мирскую трудовую деятельность) и протестантизма, православие пронизывает «религиозным вдохновением» не только церковную жизнь, но и весь быт человека. Православие, как отмечал И.Ильин, освещает «каждый миг земного труда»<sup>47</sup>. Освящение быта (труд, семейные отношения, еда, сон, одежда, любая повседневность) с давних времен отличало русское православие. Русский православный человек с детства усваивал христианство не по Евангелию, а по житиям святых, церковному календарю и святым.

<sup>42</sup> См.: Berger P. *The Capitalist Revolution*. N. Y., 1986. P. 3–4.

<sup>43</sup> См. классический труд М.Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» // М.Вебер. *Избранные произведения*. М., 1990. С. 44–272.

<sup>44</sup> Рябушинский В. *Старообрядчество и русское религиозное чувство*. Москва–Иерусалим, 1994. С. 129.

<sup>45</sup> Бурыйшкин П. *Москва купеческая*. М., 1991. С. 113.

<sup>46</sup> Там же. С. 122.

<sup>47</sup> Ильин И. *Основы христианской культуры* // Ильин И. *Собрание сочинений*. М., 1993. Т. 1. С.314.

П.Флоренский писал, что «в православии русское религиозное чутье счастливо избегало как Сциллы рационализма, куда его мог увлечь русский здравый смысл, так и Харибды безудержного мистицизма, к чему его тянуло то свойство русской натуры, которое Достоевский определил, как стремление преступать черты и заглядывать в бездны»<sup>48</sup>. Лучше, пожалуй и не скажешь об этом странном и, казалось бы, несовместимом сочетании рационализма и мистицизма, причудливым образом отразившемся на отношении русского человека к труду, хозяйственной деятельности, предпринимательству.

<sup>48</sup> Флоренский П. Православие // П.Флоренский. Сочинения. М., 1994. Т. 1. С. 661.

Некоторые современные историки и социологи напрямую связывают наше специфическое отношение к труду, хозяйствованию с православием, причем делают из этого прямо противоположные выводы в полном соответствии с нашим родовым максимализмом. Для одних «иоаннитский» духовный тип восточной ветви православия, восходящей к «апостолу любви» Иоанну, служит важным подспорьем для доказательства «святости» русского труда (О.Платонов и др.) Иные, напротив, возлагают на православие вину за «отлучение» русского человека от рационального, качественного труда (А.Янов и др.) Не будем останавливаться на этой весьма противоречивой проблеме – она требует специального серьезного исследования; укажем лишь, что с нашей точки зрения, каждая из этих концепций «хромает» односторонностью и нередко связана с теми или иными политическими пристрастиями их авторов, а стало быть, объективно не отражает действительности (или отражает ее лишь частично). Думается, что нашу отечественную бесхозяйственность, сложившуюся привычку к некачественному труду, низкую его производительность, лень, редко встречающееся уважение к чужому и своему труду следует объяснять причинами, в основе своей находящимися за рамками православия.

Что касается русской православной церкви, то она пока еще стоит на пороге выработки своей «социальной доктрины». 24 января 1997 г. состоялось первое заседание Синодальной рабочей группы по выработке концепции Русской православной церкви по вопросам церковно-государственных отношений и проблемам современного общества в целом. Председатель группы митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, подчеркнув историческое значение задачи, поставленной перед авторами доктрины Архиерейским собором РПЦ в конце 1994 г., представил участникам заседания рабочие документы, подготовленные сотрудниками Отдела внешних церковных сношений. Среди основных направлений разработок были названы и такие: отношение к труду и распределению его плодов, отношение к собственности и некоторые другие<sup>49</sup>.

<sup>49</sup> Церковно-общественный вестник. 1997. № 8. С. 4.

Каждая религиозная система содержит в себе зародыш практического, рационального, какой бы возвышенной, «не от мира сего» она ни казалась, каждая из них в той или иной степени соизмеряет не-

бесное и земное, потустороннее и посюстороннее. Совершая любые действия и поступки, истинно верующий всегда ощущает эту связь, вольно или невольно надеясь на вознаграждение за праведную жизнь и опасаясь возмездия за прегрешения. Трудолюбие, прилежание, добросовестность, хозяйский подход к делу, с его точки зрения, немаловажные слагаемые, определяющие дальнейшую судьбу человека в загробном мире или ином воплощении, поэтому верующий не может не придавать значения этой стороне жизни.

В большей или меньшей степени религии самым различным, подчас и причудливым образом, оказывают воздействие на ход хозяйственной жизни того или иного общества, влияют на духовные силы, действующие в экономике, т.е. на хозяйственный образ мыслей. Их влияние может стать прямым или косвенным, зримым или скрытым, ускоряющим экономическое развитие или, напротив, тормозящим его. Потребности современного общества властно заявляют о себе, внося изменения в религиозное толкование священных заповедей. Так, католическая церковь полностью исключила столь важный постулат, как запрещение взимать проценты. Навстречу потребностям рынка продвинулся ислам и некоторые другие религиозные системы.

Хотя за последние десятилетия заметно усилился процесс секуляризации, труд не совсем утратил свое сакральное значение. «Работа все еще имеет для нас религиозный смысл, — отмечает современный американский теолог Х.Кокс, ученик Д.Бонхоффера. — Отношение к труду еще не освободилось от религиозных и метафизических смыслов»<sup>50</sup>. Так, религия, влияя на повседневную жизнь людей, продолжает оставаться и одним из детерминантов хозяйственной этики.

<sup>50</sup> Кокс Х. Мирской град. М., 1995. С. 179, 180.